

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ СИБИРСКИХ ХАНСТВ –
ПОИСК МАРКЕРОВ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ*****С.Ф. Татауров***

*Омский филиал Института археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской Академии наук
Омск, Российская Федерация
TatSF2008@rambler.ru*

Цель: выделить несколько блоков археологических материалов, которые позволяют объединить все тюрко-татарское население лесостепной полосы Западной Сибири не только по социально-экономическим связям, но и по принципам существования государственных образований.

Материалы исследования: в основе работы – анализ археологического материала (керамика, оружие и погребальный обряд воинов, перстни-печати и атрибуты верховной власти – шлемы и тамги).

Результаты и научная новизна: тюрко-татарские государственные образования в настоящее время остаются одним из самых слабоизученных вопросов средневековой истории Западной Сибири. К небольшому объему письменных документов добавляется несформированная база археологических источников и, как результат, научное сообщество не имеет возможности сделать полную характеристику конкретных ханств – их границ, административного деления и управления, уровня развития государственных институтов и т.д. Более того, нет хронологической шкалы культурных слоев ни одного археологического комплекса этого времени, включая и города-столицы ханств – Чимги-Туры и Искера. Для рядовых памятников – поселений и могильников – не определены признаки (культурные явления) которые позволили бы объединить все эти комплексы в одно целое, стать маркерами сибирской государственности. В данной работе предлагается выделить несколько блоков археологических материалов, которые на наш взгляд позволяют объединить все тюрко-татарское население лесостепной полосы Западной Сибири не только по социально-экономическим связям, но и по принципам существования государственных образований. В статье в качестве этих признаков выступают керамика, оружие и погребальный обряд воинов, перстни-печати и атрибуты верховной власти – шлемы и тамги. Вполне возможно, что в ходе исследований этот круг источников может быть увеличен, поэтому эта работа служит скорее импульсом для развития научных изысканий в этом направлении.

Ключевые слова: Западная Сибирь, татары, археология, история, государство, класс, система, создание

Для цитирования: Татауров С.Ф. Археологические памятники сибирских ханств – поиск маркеров государственности // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 2. С. 352–362. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-2.352-362

Введение

В археологии средневековья Западной Сибири памятники, соотносимые с тюрко-татарскими государственными образованиями, занимают некое промежуточное место – между археологическими древностями, оставленными предками современных народов Сибири, и Российским государством, занявшим эти земли в конце XVI в. и основавшим на этой территории свои города и сельские

поселения. Такое положение создает ряд серьезных трудностей для выделения этих комплексов и их изучения. Для предстоящих по времени древностей есть датировка, опирающаяся на более ранние хронологические пласты археологических культур. Для русских памятников есть документальные свидетельства их основания и функционирования. А вот для тюрко-татарских комплексов, начиная с момента образования Улуса Джучи и заканчивая памятниками финала существования Сибирского ханства, до настоящего времени нет никаких критериев, которые позволяли бы их датировать в пределах хотя бы одного века и соотносить их с конкретными государственными образованиями.

В.И. Соболев в своей докторской диссертации впервые очертил территорию распространения археологических памятников, связанных с западносибирскими тюрко-татарскими государствами [13, с. 62–63]. Около двухсот археологических комплексов были объединены им скорее по природно-хронологическим признакам, а не по собственно археологическим материалам. Исследователь руководствовался границами лесостепной зоны Западной Сибири и общей датировкой памятников в пределах XIV–XVI веков. Естественно, что на этом этапе речь не могла идти о соотношении этих поселений и могильников с конкретными ханствами. Можно сказать, что не было выделено культурно-государственных маркеров, которые с одной стороны позволили бы объединить Западно-Сибирский тюрко-татарский государственный мир, а с другой стороны разделить его по времени и в пространстве. Тем не менее, это была первая попытка рассмотреть всю лесостепь Западной Сибири, как единую территорию развития тюрко-татарской истории. Его исследования охватывали практически всю территорию тюрко-татарских государственных образований и рассматривали археологические материалы, как один из компонентов для воссоздания истории этого государственного образования. «Задачи исследовательско-аналитического характера... сводятся к воссозданию хозяйственно-культурной, этнической и социально-политической истории государственных объединений Западной Сибири середины II тыс.н.э.» [13, с. 19–20]. Спустя почти двадцать пять лет его исследования позволяют сделать дальнейшие шаги в плане изучения сибирской средневековой государственности. В данной работе мы выделим несколько категорий археологических находок, которые позволяют нам объединить весь лесостепной регион Западной Сибири в единое целое.

Методика

В отличие от изучения археологических древностей предшествующих эпох, когда наиболее распространенным является принцип выделения ареала распространения определенного культурного элемента, например, керамики конкретной формы и орнамента, набора оружия или особенностей погребального обряда, изучение государственных образований должно строиться по принципу выделения маркеров государственности, которые несут его символику. Примерно такую функцию выполняют современные монеты государственных банков. Еще одним условием должна быть легенда этого государства, прописанная в письменных источниках. Как бы ни были скудны эти сведения, только они позволяют выйти археологу на сопоставление его материалов с конкретным государственным образованием и его правителями-лидерами. Именно эти сведения позволяют вплетать в историческую канву археологические комплексы, позволяют интерпретировать их в государственной иерархии – от столиц до сторожевых городков. Поэтому изучение любого археологиче-

ского памятника, который, по мнению ученого, относится к какому-то государственному образованию, должно начинаться со сбора легенды по его истории. Да, это обычные вещи для известных исторических памятников, но в нашем случае речь идет о рядовых поселениях и могильниках, для которых чаще всего сведений практически нет, и для воссоздания этой легенды и необходимо привлечение археологических материалов – маркеров государственности. Сейчас быстро развивается целая серия новых научных направлений, существенно расширяющих возможности информативности археологических источников, как, например, генетика, поэтому есть надежда что количество и информативность материалов, по которым будет воссоздаваться история средневековых государств Западной Сибири, будет увеличиваться.

Обсуждение

На подавляющем количестве археологических поселений Западной Сибири культурным и археологическим маркером является керамика. Именно по ее форме и орнаменту археолог определяет время и культурную принадлежность данного памятника – не являются исключением и памятники XIV–XVII вв. При всем разнообразии посуды, которая была распространена в этот период в лесостепной зоне Западной Сибири, в керамике есть общие черты, позволяющие поставить эту категорию находок на первое место в качестве идентификационного фактора отношения данного комплекса к сибирским государственным образованиям.

В настоящее время, благодаря археологическим раскопкам серии памятников второй половины XVI в. в Тарском Прииртыше – Екатерининское V (Ананьинское), Кошкуль IV, Надеждинка VII (Тунуский городок), Надеждинка IV и т.д., датированных по русским письменным документам, – нам удалось выделить комплекс керамики, который объединяет практически все памятники, оставленные тюркоязычным населением Западной Сибири. За все время раскопок археологических комплексов XIV–XVII вв. собрано достаточно большое количество коллекций керамики почти по всей лесостепной и южнотаежной полосе Западной Сибири. Исключение составляют только Курганская и юг Тюменской и Челябинской областей, где археологические исследования позднесредневековых комплексов практически не проводились. Однако раскопки в последние годы Чимги-Туры позволили нам частично восполнить этот пробел [12, с. 95–99; 13, с. 11–15]. Начатые в последние годы археологические изыскания по р. Исети в Курганской области также подтверждают наши выводы. Естественно, что на этой посуде есть некоторые отличительные моменты, связанные с местными технологическими и орнаментальными традициями, но они определенно занимают второстепенное положение.

Это круглодонные сосуды (разной степени – от чисто круглодонных до уплощенных или, наоборот, приостренных), с отсутствием или очень слабой профилировкой верхней части сосуда. Тесто содержит довольно значительное количество шамота. Обжиг неравномерный, вероятнее всего, костровой. Орнамент покрывает всю поверхность сосуда – это горизонтальные ряды глубоких подтреугольных насечек или вдавлений, иногда двух- и трехзубым гребенчатым штампом. По верху венчика, как правило, идет ряд ямок. В некоторых случаях имеются черты геометрического орнамента – крупный зигзаг, выполненный гребенчатым штампом. Наиболее известны сосуды такого типа из раскопок могильников Кыштовка 2 и Абрамово 10 [7, Рис. 32–33].

В то же время следует отметить, что данная керамика далеко не всегда занимает первое место в археологических коллекциях. Характерна ситуация городища Надеждинка VII (Тунуский городок), где в культурном горизонте XVI в. керамика разделена на три комплекса – неорнаментированная толсто-стенная «тюркская» посуда, «лесная» керамика с элементами фигурного орнамента и описанные нами выше «татарские» сосуды [14, с. 28–30]. При всей вольности использования терминов, очевидно, что именно выделенный нами комплекс посуды является объединяющим для населения лесостепной полосы Западной Сибири. Для нас также важен факт ее наличия в могильных комплексах в качестве погребальной посуды, что повышает в определенной мере ее статусность на всей исследуемой нами территории.

В настоящее время, основываясь на доступных нам материалах, мы можем с определенной уверенностью говорить о том, что керамика с археологических комплексов, соотносимых с тюркоязычным населением этого времени, имеет сходные черты как по форме сосудов, так и по их орнаментации. Более того, очень близка техника изготовления керамики – состав теста, обжиг и технология нанесения орнамента. Если орнаменты и формы могли быть заимствованы, то технология более устойчива к новациям, и поэтому для проявления единства этой традиции (этого явления) на значительной территории необходимы устойчивые и достаточно интенсивные социально-экономические отношения. Распространение однотипной керамики за сравнительно небольшой период времени практически по всей лесостепной зоне Западной Сибири могло произойти только в среде моноэтнического населения и при наличии интенсивных социально-экономических отношений, но в данном случае мы этих условий не имеем и можем предположить в качестве движущей силы распространения данной керамики государственный фактор.

Анализ погребальных комплексов XVI–XVII вв. позволяет выделить еще один объединяющий для лесостепного населения Западной Сибири момент – это воинский обряд захоронения. Практически во всех могильниках этого времени в Прииртышье, Приобье, Барабе мы фиксируем погребения, которые выделяются из общего ряда комплектом оружия и дополнительным инвентарем – конской сбруей, котлами и т.д. Погребенные достаточно четко разделяются по своей воинской специфике от простого легковооруженного (лук и кинжал) до доспешного воина с полным комплектом оружия и снаряжения (копье, сабля или палаш, кинжал, лук, конная сбруя). Одно из таких захоронений было исследовано В.И. Матющенко при раскопках позднесредневекового могильника на Татарском увале у д. Окунево [4, с. 36–37]. Это погребение представителя знати, облаченного в железный пластинчатый доспех с богатым набором оружия. Рядом с ним располагаются могилы простых воинов с оружием и конской упряжью (мог. № 248, 260). Подобные захоронения мы зафиксировали на могильнике Бергамак II [3, Рис. 52]. Такие же комплексы мы наблюдаем и в Барабе, где на могильнике Абрамово-10 выделяются погребенные с наборами оружия [7, с. 138–160]. Наличие таких захоронений и их определенная «стандартизация» позволяет говорить о наличии вооруженных формирований, созданных по одному образцу и входящих в единую систему вооруженных сил Сибирского ханства. В погребениях могильников и на поселениях одной из самых распространенных находок являются наконечники стрел – железные и костяные. При довольно большом ассортименте форм наконечников, так же как и в «стандартизации» оружия в погребениях,

наблюдается определенная функциональность наборов – от узко специализированных, которые состоят только из бронебойных четырех и трехгранных наконечников, до наборов с большим диапазоном наконечников от узких боевых до стрел с листовыми наконечниками и срезнями.

В коллекциях наконечников стрел выделяются большие по размерам металлические наконечники стрел с фигурными «декоративными» элементами. Использование таких стрел в боевых действиях невозможно, поэтому, вероятнее всего, они имели другое назначение. В Сибирских летописях и в книге Г.Ф. Миллера упоминается старинный татарский способ оповещения о войне путем рассылки стрелы: «Царь же Кучюм... посла по всему Сибирскому царству ко всякого чина людем своим, дабы вскоре к нему без всякого ослушания собралися, и посла вместо царских своих грамот стрелы свои золочены, чтоб другой посылки не дождались, понеже де идет на нас неведомо какой лютый неприятель» [5, с. 662–663]. Наибольшее количество подобных наконечников обнаружено учеными при обследовании столицы Сибирского ханства – Искера. Несколько единиц таких наконечников из сборов И.М. Бутакова в 1896 г. и А.Ф. Палашенкова в 1938 г. хранятся в Омском историко-краеведческом музее [16, с. 82–83]. Подобные наконечники находил и В.Н. Пигнатти [9]. Из приведенного описания следует, что эти стрелы служили символом, в определенном смысле, Сибирского ханства или, по крайней мере, являлись частью системы оповещения и управления.

В ходе раскопок погребальных и поселенческих памятников, относящихся или связанных с историей сибирских тюрко-татарских государственных образований, была получена коллекция предметов, которые с полным основанием можно отнести к маркеру этих государственных образований – это перстни или вернее перстни-печати. В общем массиве украшений они выделяются своими размерами и символикой. Они значительно больше и массивнее и на щитке имеют либо стилизованное изображение тамги, личину, воина на лошади и т.д. Подобные перстни были достаточно широко распространены в эпоху средневековья среди тюркских правителей [8]. Из письменных источников нам известно, что печати были элементом культуры государственного существования практически всех поздnezолотоордынских государств. В шертной грамоте хана Кучума (1571 г.) приводится следующая запись: «...а на утверждение... яз Кучюм ц'р печать свою приложил...». Печати были двух форм – перстневые (миндалевидные) и квадратные. Эти печати, являющиеся наследием джучидской традиции, по своему содержанию (титулатура, имя владельца, герб) являлись элементом государственной власти [2]. На настоящий момент мы имеем только несколько находок подобных украшений в Тарском Прииртышье (на могильнике Сеитово IV), в Томском Приобье (могильник «Тоянов городок»), в коллекциях из раскопок столицы Сибирского ханства Искер и т.д. Эти перстни мы можем атрибутировать как печати, то есть изображения на них можно в определенной мере трактовать как государственную символику. Семантику этих изображений еще предстоит изучить, но уже сейчас очевидно, что они имеют определенную связь с родовыми или тугумными символами – тамгами. Тамги, если они принадлежат правящему роду, имеют государственную нагрузку. Подобный пример приводит В.В. Трепавлов, когда кучумовичи Аблай и Тауке в доказательство того, что они живы, передали послам Девлет-Гирея «изображение родовой тамги (типичный позднеджучидский тарак – «гребень»), нарисованное им на

бумаге, а Тауке – прядь своих волос и тоже нарисовал тамгу... один из вариантов «герба» клана Кучумовичей» [17, с. 101]. В связи с этим к маркерам сибирских тюрко-татарских государств вполне возможно отнести и изображения тамг на различных находках.

Д.М. Исхаков, основываясь на материалах других позднезолотоордынских татарских государств, говорит об определенной государственной символике в Сибирском ханстве. Крымский хан Гирей восседал «на троне, на синих подушках, лежат: на правой стороне – закон... а по левой... – тарак (тамга Гиреев), принятый в символическую тамгу или герб» [1].

Для сибирских тюрко-татарских государственных образований следует признать и наличие предметов, связанных с атрибутами верховной власти. Шансы встретить их в ходе археологических раскопок обычных памятников ничтожно малы, но при дальнейших изысканиях городов – административных центров Искера, Чимги-Туры, Кызыл-Туры, Тоянова городка и других – наличие таких предметов вполне возможно. К ним следует относить головные уборы правителей и их ближайших приближенных. В коллекциях российских музеев есть несколько шлемов, которые историки связывают с сибирскими ханами. Прежде всего это шлем хана Кучума. В коллекции Оружейной палаты хранится шлем из булатной стали иранского производства XVI в., который в описях государевой казны именовался «шапкой ерихонской кучумовской». Поверхность шлема декорирована изящным восточным растительным орнаментом, шлем имеет золотое эмалевое навершие (позади навершия расположена трубка для перьев) и украшен жемчугом и драгоценными камнями красного и синего цветов. При Алексее Михайловиче шлем однозначно воспринимался как военный головной убор Кучума, что послужило причиной его выдачи 27 января 1664 г. потомку Кучума, сибирскому царевичу Алексею Алексеичу. В фондах Екатеринбургского областного краеведческого музея хранится «шлем Илегея». По преданию, он принадлежал татарскому князьку Илегею, владевшему землями по берегам р. Исети [10]. О существовании сибирской короны писал казанский историк Г.Л. Файзрахманов [18, с. 145].

В сибирских тюрко-татарских государственных образованиях было относительно слабо развито ремесленное производство, поэтому их правители были вынуждены компенсировать дефицит продукции ремесленников развитием торговых отношений, прежде всего со Средней Азией. Наличие среднеазиатского импорта фиксируется в той или иной мере на большинстве археологических памятников исследуемого нами времени. Как мы уже отмечали, В.А. Могильниковым при определении местоположения города в устье р. Ишим – Кызыл-Туры – из двух городищ сделал выбор в пользу того, на котором было больше предметов среднеазиатского импорта [15, с. 58]. При анализе торговых отношений в сибирских тюрко-татарских государственных образованиях необходимо учитывать то, что эти торговые связи были полностью под контролем и управлением сибирских правителей, поэтому любой предмет, изготовленный среднеазиатским ремесленником, на территории Сибири нес в себе определенный признак государственной власти. В данный момент мы не можем определенно говорить о наличии собственных денег у сибирских ханов, но наличие среднеазиатских монет в коллекциях Искера и Чимги-Туры свидетельствует о достаточно высоком уровне торговых отношений и о контролируемости сибирского рынка. Поэтому предметы импорта из Бухары, Ургенча и других среднеазиатских городов на археологических памятниках лесостепной полосы

Западной Сибири XIV–XVII вв. являются не только датирующим элементом (как и для периода развитого средневековья) но и показателем наличия определенных государственных отношений.

Теперь несколько слов о том, что «не надо» находить на археологических памятниках, которые мы соотносим с сибирскими тюрко-татарскими государственными образованиями. К сожалению, в последнее время стала прослеживаться тенденция «открытий» тех или иных новаций – культурных, религиозных и пр., которые, оказывается, были у населения нашего региона в исследуемое время. Прежде всего это касается распространения ислама. Да, общеизвестен факт приглашения правителем Сибирского ханства ханом Кучумом духовной миссии из Бухары и его деятельности по распространению этой религии среди населения его государства. Да, действительно в период его правления часть населения приняла ислам. Но нельзя каждое захоронение, ориентированное головой на северо-запад и не содержащее инвентаря, относить к погребениям, совершенным по канонам ислама, и уж тем более «выдергивать» эти могилы из общего пространства некрополей. Подобная ориентация умерших в погребениях является традиционной у населения этой части Западной Сибири на протяжении нескольких исторических эпох. Что касается безинвентарности захоронений, то это может трактоваться скорее как признак социального положения умершего, нежели его вероисповедания. В.А. Могильников в свое время отмечал, что «присутствие данных вещей в подкурганых захоронениях и единичных грунтовых (трех из тридцати), как и обычай насыпания курганов, отражают переживание языческих традиций в погребальном обряде рядового населения Тарского Прииртышья того времени» [6, с. 53]. Следует признать тот факт, что мусульманских могильников для периода существования средневековых тюрко-татарских государств на настоящий момент не обнаружено и, естественно, не исследовано.

Не стоит искать на археологических памятниках нашего периода и архитектурных сооружений, которые можно было бы связать с государственной волей или правилами. Анализ материалов раскопок городов, укрепленных городков и поселений, которые связаны с сибирскими тюрко-татарскими государственными образованиями, показывает практически полное отсутствие собственно тюрко-татарской архитектуры. В Тарском Прииртышье для проживания повсеместно использовались более ранние городища (от поздней бронзы до раннего средневековья), и оборонительные системы только обновлялись. Как исключение мы находим элементы фортификационных систем, заимствованных в Средней Азии или Поволжье, при обследовании укрепленных пограничных городков, построенных татарами с учетом их стратегического положения – Кошкуль IV, Надеждинка VII (Тунуский городок и т.д.); но это опять-таки привнесенные элементы.

Такая же ситуация с храмовой и дворцовой архитектурой. Раскопки Искера, Чимги-Туры, Вознесенского городища и других административных центров не дали нам никаких доказательств наличия подобных сооружений – мечетей, дворцов, государственных хранилищ и т.д. Нет оснований и для выделения «типовых» зданий в пограничных городках, что можно было бы, как и оружие привязать к определенной государственной системности. На Надеждинке VII (Тунуский городок) в ходе раскопок трех жилищ одно оказалось юртой, углубленной в землю, второе имело каркасно-срубную наземную прямоугольную конструкцию, а третье – полуземлянкой. В связи с этим при-

ходится констатировать, что за период существования сибирских тюрко-татарских государственных образований государственных или общих для всей территории строительных традиций ни в фортификационном искусстве, ни в храмовой или домостроительной архитектуре не сложилось.

Заключение

Археологические материалы, относящиеся к истории сибирских тюрко-татарских государственных образований, в настоящее время позволяют сделать несколько первых шагов по систематизации данных и выйти на определение датировки комплексов и их отношения к конкретному государственному образованию. Помимо собственно находок, которые могут стать основой для временной характеристики памятника (монеты, украшения, оружие и т.д.), очень важным является создание дендрохронологических шкал для лесостепных территорий Западной Сибири. Раскопки русского города Тары на Иртыше позволили создать шкалу, которая полностью покрывает вторую половину XVI в., тем самым появилась возможность более точно установить датировку исследованных нами городков, которые были взяты штурмом русскими отрядами в конце XVI в. и, таким образом, получить датируемый вещевой комплекс.

В целом, подводя итог, можно говорить о назревшей необходимости создания археолого-исторического атласа сибирских тюрко-татарских государственных образований. Этот труд позволил бы объединить как имеющиеся археологические материалы, так и все научные наработки по археологическому изучению этого периода истории Западной Сибири.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Исхаков Д.М.* Быть верным с друзьями и притворно равнодушным с врагами (Культура государственной жизни в тюрко-татарских обществах XV–XVI вв.) // Гасырлар авазы – Эхо веков. Казань, 2007. № 1.
2. *Исхаков Д.М.* Тюрко-татарские государства XV–XVI вв. Казань: Татарское книжное изд-во, 2009. 142 с.
3. *Корусенко М.А.* Погребальный обряд тюркского населения низовьев р. Тара в XVII–XX вв.: Опыт анализа структуры и содержания. Новосибирск: Наука, 2003. 192 с.
4. *Матющенко В.И.* Могильник на Татарском увале у д. Окунево (ОМ VII). Раскопки 1998, 1999 годов // Новое в археологии Прииртышья. Вып. 3. Омск: Омск. гос. ун-т, 2003. 64 с.
5. *Миллер Г.Ф.* История Сибири. М.: «Восточная литература» РАН, 2000. Т. II. 796 с.
6. *Могильников В.А.* Позднесредневековые материалы из комплекса памятников у дер. Окунево в Тарском Прииртышье (к проблеме происхождения тарских татар) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 1997. № 1. С. 51–54.
7. *Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И.* Бараба в эпоху позднего средневековья. Новосибирск: Наука, 1990. 260 с.
8. *Мухамадиев А.Г.* Древние Монеты Казани. Казань: Татарское книжное издательство, 2005. 200 с.
9. *Пигнатти В.Н.* Искер (Кучумово городище) // Искер – столица Сибирского ханства. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2010. С. 186–226.
10. *Плотников Г.С.* Описание мужского Далматовского Успенского монастыря. Екатеринбург: (б.и.), 1906. 21 с.

11. Рафикова Т.Н. К вопросу об этногенезе сибирских татар (по материалам Царева городища) // Сулеймановские чтения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Сулеймановские чтения» (Тюмень, 18–19 мая 2010 г.) Тюмень: Издательско-полиграфический центр «Экспресс», 2010. С. 95–99.
12. Рафикова Т.Н. Результаты изучения Царева городища (2007–2009 гг.) // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: Материалы Международной конференции (Курган, 21–22 апреля 2011 г.). Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2011. С. 11–15.
13. Соболев В.И. История сибирских ханств (по археологическим материалам). Новосибирск: Наука, 2008. 356 с.
14. Татауров С.Ф. Последняя крепость хана Кучума на Иртыше // Средневековые тюрко-татарские государства. 2016. №8. С. 23–31.
15. Татауров С.Ф. Бухара-Искер – союзничество, зависимость или вассалитет // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: Материалы III Всероссийской научной конференции (Курган, 21–22 апреля 2017 г.). Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2014. С. 57–60.
16. Татауров С.Ф., Татауров Ф.С. Археологические коллекции с Искера: новый взгляд на памятник // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. №2(33). С. 77–85.
17. Трепавлов В.В. Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М.: «Восточная литература» РАН, 2012. 231 с.
18. Файзрахманов Г.Л. История сибирских татар (с древнейших времен до начала XX века). Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2002. 488 с.

Сведения об авторе: Сергей Филиппович Татауров – кандидат исторических наук, заведующий сектором археологии Омского филиала Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (644024, пр. К. Маркса, 15, корп. 1, Омск, Российская Федерация). E-mail: TatSF2008@rambler.ru

Поступила 27.02.2017

Принята к публикации 20.05.2017

Опубликована 30.06.2017

ARCHAEOLOGICAL MONUMENTS OF THE SIBERIAN KHANATES: SEARCH OF THE MARKERS OF THE STATEHOOD

S.F. Tataurov

*Omsk Branch of Institute of Archaeology and Ethnography
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Omsk, Russian Federation
TatSF2008@rambler.ru*

Research objectives: To identify several sets of archaeological materials, which allow to unite all the Turkic-Tatar population of the forest-steppe zone of Western Siberia not only on the basis of socio-economic relations, but also on the principles of the existence of state entities.

Research materials: Archaeological material (ceramics, weapons and funeral rite of warriors, ring-seals and attributes of supreme authority – helmets and tamgas).

Results and novelty of the research: At present, the Turkic-Tatar state formations remain one of the most poorly studied issues in the medieval history of Western Siberia. An

unformed base of archaeological sources could be added to a small amount of written documents. As a result, academic community is not able to make a full description of specific khanates – of their boundaries, administrative division and management, the level of development of state institutions, etc. Moreover, we do not have a chronological scale of cultural layers of any archaeological complex of this time including the capitals of khanates – Chimgi-Tura and Isker. Ordinary settlements and cemeteries remain with indefinite characteristics (cultural phenomena), which could allow to combine all these complexes into one whole, to become markers of the Siberian statehood.

The author proposes to identify several sets of archaeological materials, which allow to unite all the Turkic-Tatar population of the forest-steppe zone of Western Siberia not only on the basis of socio-economic relations, but also on the principles of the existence of state entities. The author presents as these features ceramics, weapons and funeral rite of warriors, ring-seals and attributes of supreme authority – helmets and tamgas. It is possible that in the course of research this range of sources can be increased. Therefore, this work serves as an impulse for the development of scientific research in this direction.

Keywords: Western Siberia, Tatars, archaeology, history, state, class, system, creation

For citation: Tataurov S.F. Archaeological Monuments of the Siberian Khanates: Search of the Markers of the Statehood. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2017. Vol. 5, no. 2, pp. 352–362. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-2.352-362

REFERENCES

1. Iskhakov D.M. Byt' vernym s druz'yami i pritivorno ravnodushnym s vragami [To Be Faithful with Friends and Pretend to Be Indifferent to Enemies (culture of state life in the Turkic-Tatar societies of the 15th–16th centuries)]. *Gasyrlar avazy – Ekho vekov* [Echo of the Ages]. 2007. No. 1. (In Russian)
2. Iskhakov D.M. *Tyurko-tatarskie gosudarstva XV–XVI vv.* [Turkic-Tatar States in the 15th–16th centuries]. Kazan, Tatarskoe knizhnoe Publ., 2009. 142 p. (In Russian)
3. Korusenko M.A. *Pogrebal'nyy obryad tyurkskogo naseleniya nizov'ev r. Tara v XVII–XX vv.: Opyt analiza struktury i soderzhaniya* [Burial Rite of the Turkic Population of the Lower Reaches of the Tara River in the 17th–20th centuries: Experience in Analyzing the Structure and Content]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2003. 192 p. (In Russian)
4. Matyushchenko V.I. Mogil'nik na Tatarskom uvale u d. Okunevo (OM VII). Raskopki 1998, 1999 godov [Burial Ground on the Tatar Uval near the Village of Okunevo (OM VII). Excavations of 1998, 1999]. *Novoe v arkheologii Priirtysh'ya* [New in Archaeology of Cis-Irtysh Region]. Is. 3. Omsk, Omsk State University Publ., 2003. 64 p. (In Russian)
5. Miller G.F. *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2000. Vol. II. 796 p. (In Russian)
6. Mogil'nikov V. A. Pozdnesrednevekovye materialy iz kompleksa pamyatnikov u der. Okunevo v Tarskom Priirtysh'e (k probleme proiskhozhdeniya tarskikh tatar) [Late Medieval Materials from a Complex of Monuments near the Village of Okunevo in Tara Cis-Irtysh Region (to an origin problem of the Tara Tatars)]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography]. 1997. No. 1, pp. 51–54. (In Russian)
7. Molodin V.I., Sobolev V.I., Solov'ev A.I. *Baraba v epokhu pozdnego srednevekov'ya* [Baraba in the Late Middle Ages]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1990. 260 p. (In Russian)
8. Mukhamadiev A.G. *Drevnie Monety Kazani* [Ancient Coins of Kazan]. Kazan, Tatarskoe knizhnoe Publ., 2005. 200 p. (In Russian)
9. Pignatti V.N. Isker (Kuchumovo gorodishche) [Isker (Kuchumovo ancient settlement)]. *Isker – stolitsa Sibirskogo khanstva* [Isker: The Capital of the Siberian Kha-

nate]. Kazan, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2010, pp. 186–226. (In Russian)

10. Plotnikov G.S. *Opisanie muzhskogo Dalmatovskago Uspenskago monastyrya* [Description of the Male Dalmatovsky Assumption Monastery]. Ekaterinburg: (b.i.), 1906. 21 p. (In Russian)

11. Rafikova T.N. K voprosu ob etnogeneze sibirskikh tatar (po materialam Tsareva gorodishcha) [To a Question of Ethnogenesis of the Siberian Tatars (based on the materials of Tsarev ancient settlement)]. *Suleymanovskie chteniya: Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Suleymanovskie chteniya» (Tyumen', 18–19 maya 2010 g.)* [Suleymanov Readings: Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference “Suleymanov Readings” (Tyumen, May 18–19, 2010)]. Tyumen, «Ekspress» Publ., 2010, pp. 95–99. (In Russian)

12. Rafikova T.N. Rezul'taty izucheniya Tsareva gorodishcha (2007–2009 gg.) [Results of the Study of Tsarev Settlement (2007–2009)]. *Istoriya, ekonomika i kul'tura srednevekovykh tyurko-tatarskikh gosudarstv Zapadnoy Sibiri: Materialy Mezhdunarodnoy konferentsii (Kurgan, 21–22 aprelya 2011 g.)* [History, Economics and Culture of the Medieval Turkic-Tatar States of Western Siberia: Proceedings of the International Conference (Kurgan, April 21–22, 2011)]. Kurgan, Kurgan State University Publ., 2011, pp. 11–15. (In Russian)

13. Sobolev V.I. *Istoriya sibirskikh khanstv (po arkheologicheskim materialam)* [History of the Siberian Khanates (based on archaeological materials)]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2008. 356 p. (In Russian)

14. Tataurov S.F. Poslednyaya krepost' khana Kuchuma na Irtyshe [The Last Fortress of Kuchum Khan on the Irtysh]. *Srednevekovye tyurko-tatarskie gosudarstva* [Medieval Turkic-Tatar States]. 2016, no. 8, pp. 23–31. (In Russian)

15. Tataurov S.F. Bukhara-Isker – soyuznichestvo, zavisimost' ili vassalitet [Bukhara-Isker – Alliance, Dependence or Vassalage]. *Istoriya, ekonomika i kul'tura srednevekovykh tyurko-tatarskikh gosudarstv Zapadnoy Sibiri: Materialy Mezhdunarodnoy konferentsii (Kurgan, 21–22 aprelya 2011 g.)* [History, Economics and Culture of the Medieval Turkic-Tatar States of Western Siberia: Proceedings of the International Conference (Kurgan, April 21–22, 2011)]. Kurgan, Kurgan State University Publ., 2014, pp. 57–60, 74–78. (In Russian)

16. Tataurov S.F., Tataurov F.S. Arkheologicheskie kollektzii s Iskera: novyy vzglyad na pamyatnik [Archaeological Collections from Isker: A New View on the Monument]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography]. 2016. No. 2(33), pp. 77–85. (In Russian)

17. Trepavlov V.V. *Sibirskiy yurt posle Ermaka: Kuchum i Kuchumovichi v bor'be za revansh* [Siberian Yurt after Yermak: Kuchum and Kuchumoviches in the Fight for Revenge]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2012. 231 p. (In Russian)

18. Fayzrakhmanov G.L. *Istoriya sibirskikh tatar (s drevneyshikh vremen do nachala XX veka)* [History of Siberian Tatars (from the most ancient times to the beginning of the 20th century)]. Kazan, Fen Publ., 2002. 488 p. (In Russian)

About the author: Sergey F. Tataurov – Cand. Sci. (History), Head of the Department of Archaeology, Omsk Branch of Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (15, korp. 1, K. Marks Ave., Omsk 644024, Russian Federation). E-mail: TatSF2008@rambler.ru

Received February 27, 2017

Accepted for publication May 20, 2017

Published June 30, 2017